

зами она отчетливо видит, как встают огненные письма — „факел мене фарес“, которые рука истории чертит для тех, кто обречен. В этом „великая общественная сила научной критики“, и кто раз узнал эту силу, тот уж „не захочет братья за орудие критики публицистической (в ковычках), подобно тому, как человек, узнавший силу магазинного ружья, не вернется к первобытному луку“ (Судьбы русской критики).

В. Фриче.

* * * * *

Плеханов в борьбе с противниками революционного марксизма.

1.

Русский марксизм, главным основоположником и учителем которого был Плеханов, должен был неизбежно начать с критики народничества, как идейного течения, всецело господствовавшего над умами революционной молодежи того времени. Русскому марксизму необходимо было, прежде всего, завоевать себе право гражданства в умах передовой российской интеллигенции и распропагандированных рабочих. Это была долгая и упорная борьба, борьба с закоренелыми предрассудками, освященными героическим и мученическим ореолом революционеров 70-х и начала 80-х гг.

Она продолжалась с 1883 г., т. е. с момента образования „Группы Освобождения Труда“, вплоть до 1896 г., до знаменитой летней стачки 30 тысяч ткачей и прядильщиков в Петербурге, когда рабочий класс своей практикой лучше всего доказал самым упрямым или слепым людям правильность марксистской теории, и когда социал-демократия сделалась общепризнанной силой, общепризнанным фактором русской жизни.

И до самой середины 90-х годов, когда появилось новое поколение молодых марксистов (сперва Струве, сразу обнаруживший в своем марксизме определенный буржуазный душок, и потом Потресов, Мартов и особенно Ленин),— все это время главная тяжесть борьбы с народничеством и прокладывания совершенно новых путей в русской общественной мысли выпала на долю почти исключительно одного Плеханова.

Именно он, огромная идейная работа, проделанная им за эти годы, начав с привлечения немногих одиночек и небольших кружков в разных городах России, спустя 12 лет, с выходом в свет „Мо-

нистического взгляда на историю“, завоевали для марксизма лучшую часть интеллигенции и наиболее сознательных рабочих.

И первая книга, с которою выступил Плеханов против народничества, знаменитые „Наши разногласия“, книга изумительная по богатству и глубине содержания, силе аргументации и блеску изложения, книга, до сих пор читающаяся с захватывающим интересом и содержащая прямо пророческий анализ будущих судеб России,—эта книга создала марксизму и пламенных сторонников, и многочисленных озлобленных врагов.

Плеханов выступил с критикой обеих разновидностей русского революционного народничества: бакунизма и бланкизма (в лице Ткачева и некоторых литературных представителей „Народной Воли“, особенно Тихомирова) и со своим несравненным талантом полемиста доказал всю беспочвенность их программных и тактических взглядов. Это восстановило против него весь эмигрантский муравейник обломков народнического периода русской истории. С тех именно пор, т. е. с самого своего появления, марксизм сделался ненавистным нашей „демократической“ интеллигенции за свою „резкость“, прямоту, неуважение к традициям и „святыням“. На Плеханова нападали за то, что он вносил раскол в революционное движение, за то, что он развенчивает все дорогие русской интеллигенции идеалы и т. п. Словом, повторилось то же, что не раз приходилось испытывать самому Марксу и накануне 1848 г., и особенно в годы эмиграции.

Во главе врагов Плеханова стал наиболее видный из оставшихся в живых публицист и практик „Народной Воли“—бывший редактор „Народной Воли“ и член „распоряд. комиссии“ исполн. комитета Лев Тихомиров. И неудивительно: его наиболее беспощадно развенчивал и критиковал Плеханов в „Наших разногласиях“. Но ирония истории пожелала, чтобы спустя всего три года, в 1887 г., этот „столп“ народничества открыто перешел на сторону самодержавия, написав брошюру „Почему я перестал быть революционером“, получив прощение царя Александра III и сделавшись потом редактором самых реакционных, самых черносотенных органов печати. И в то время, как все революционеры были поражены таким почти небывалым в летописях революционного движения ренегатством, именно Плеханов в своей замечательной брошюре „Новый защитник самодержавия, или горе г. Тихомирова“ дал объективное, научное, социально-психологическое объяснение этому факту: он приписывал его тому душевному опустошению, которое должен был вызвать у Тихомирова окончательный крах народолюбческих организаций и связанных с ними революционных надежд.

И тут же он указывал, что подобный случай, случай искреннего перехода из лагеря крайних революционеров в лагерь крайних

монархистов не может произойти в среде марксистов, идеалы и надежды которых связаны с прогрессивно растущей силой: капитализмом и неизбежным его спутником—пролетариатом.

Уже в „Наших разногласиях“, на ряду с критикой теоретических взглядов народничества, мы находим также богатейший фактический статистико-экономический материал, доказывающий разрушение общины, расслоение деревни и кустарей, рост капитализма; но особенно подробно проводится и обосновывается та мысль, что в России развивается капитализм, вызывая ломку всех прежних патриархальных отношений и новые классовые группировки,—в знаменитых внутренних обозрениях издававшегося Плехановым с 1888 по 1892 г. журнала „Социал-Демократ“. Эта же мысль иллюстрируется критическим разбором „Наших беллетристов—народников“, где Плеханов впервые выступает, как марксистский литературный критик.

Но вся эта огромная идейная работа лишь весьма медленно делает свое дело: в России господствует душная реакция 80-х годов, да и заграничные издания Плеханова в ничтожном количестве просачиваются в Россию, воспитывая тех первых марксистов, которым потом суждено было образовать старую гвардию будущей социал-демократической, а затем и коммунистической партии.

Таким образом, в лице Плеханова, русский марксизм с первых своих шагов вступает в бой не только с самодержавием и либерализмом, но и со всеми видами и оттенками мелко-буржуазного социализма, каким по существу всегда было наше народничество. И нынешние большевики являются в этом отношении прямыми и непосредственными учениками Плеханова.

Второй этап борьбы Плеханова с народничеством—это эпоха „легалного марксизма“, начало царствования Николая II и некоторого общественного оживления, когда марксисты, по тогдашнему выражению Струве, „дорвались до печатных станков“ и смогли, наконец, на равных правах отвечать клеветавшей на них народнической публицистике, монополю владевшей всеми почти „прогрессивными“ органами печати. Правительству выгодна была распря в демократическом лагере. Оно не понимало, что именно в борьбе лучше всего выковывается и крепнет революционная партия. В марксизме оно на первых порах не разглядело серьезной опасности. Этим и объясняется, что с 1894 г. марксистам удаётся, время от времени, пользуясь эзоповским языком и философской терминологией, проводить свои взгляды, непонятные цензуре, но понятные новым читателям.

В это именно время и появляются, под разными псевдонимами, одна за другой книги и статьи Плеханова: Бельтов „К вопросу о развитии монистического взгляда на историю“, в самом конце 1894 г., затем в следующем году статья „Несколько слов нашим противникам“,

под псевдонимом „Утис“ („Никто“), в сожженном цензурой, но все же попавшем в публику, сборнике и „Письмо к г. Гольцеву“ в „Русской мысли“, под псевдонимом „Ушаков“ (обе эти статьи переизданы потом в сборнике „За 20 лет“). Наконец, в 1896 г. выходит, под псевдонимом Волгина, „Обоснование народничества в трудах г. Воронцова“.

В этих книгах и в статье Утиса к обычному остроумному и язвительному тону, в котором Плеханов был всегда большим мастером, примешивается изрядная доля явного издевательства и прямого презрения; это несомненно объясняется тем, что, если в 1884 г., в „Наших разногласиях“ Плеханов выступил против настоящих революционеров, когда еще не отзвучали последние отклики их героической борьбы с царизмом, то теперь, в середине 90-х г. он имел перед собою „легальных“ народников, жалких эпигонов и крохоборов, совершенно разуверившихся в возможности победоносной революционной борьбы и ожидавших любезных им народнических „реформ“ (в смысле закрепления общины, поощрения кустарных промыслов и артелей) от либерального „общества“ и даже от правительства.

И Плеханов был, действительно, беспощаден к ним. О значении книги Бельтова, о том перевороте, который она произвела в умах молодежи, достаточно писалось¹⁾. Здесь хотелось бы отметить то впечатление, которое она (вместе со статьей Утиса) произвела на Михайловского, которому (наравне с Кареевым) досталось в ней больше всего. В начале 1896 г. пишущий эти строки должен был на одном студенческом балу познакомиться с Михайловским через тогдашнего издателя „Русского Богатства“, покойного писателя Гарина. Зная меня, как заядлого марксиста, он просил меня не говорить с Михайловским о Бельтове, так как, дескать, Николай Константинович воспринимает это имя до болезненности нервно. А такие люди как Кривенко и особенно В. В. (Воронцов), после книг Плеханова сразу становились посмешищами в общественном мнении тогдашней молодежи. Полемика Плеханова буквально убивала.

Литературная борьба Плеханова с народничеством в середине 90-х г. г., подкреплённая таким внушительным доказательством, как летняя стачка 1896 г., сделала свое дело—дело идейного завоевания умов. „Революция в головах“, которая, по выражению Маркса, предшествует „революции на деле“, совершилась. Теперь ученики Плеханова все усилия направили на подготовку этой второй революции. Но здесь, в практической революционной работе, они столкнулись не только с оппортунизмом в собственном лагере, в лице „экономистов“, но и с возрождением революционного народничества в виде партии

¹⁾ См. мои воспоминания об этой эпохе в № 3 „Красной Нови“ за 1921 г.

соц.-революционеров. И в эту эпоху, в эпоху „Искры“ и „Зари“ 1901—1903 г., наступил третий фазис борьбы Плеханова с народничеством. С-ры были партией, утратившей теоретическую невинность бунтарей и народовольцев. Они представляли собою в теоретическом отношении эклектическую помесь мелкобуржуазного социализма и марксистского ревизионизма с политическим терроризмом, и в их рядах совмещались „либералы с бомбой“ с будущими максималистами и анархистами. Само собой понятно, какую благодатную пищу давали они полемическому настроению Плеханова. Эти годы вообще были его второй молодостью, когда он с пылкостью юноши и в печати и в эмигрантских колониях, наряду с Лениным и Мартовым, сражался одновременно с народничеством и общеевропейским оппортунизмом.

В это время, в ответ на обычные обвинения в „резкости“ и „нетоварищеских“ приемах его полемики, Плеханов в своем кругу любил рассказывать следующий анекдот (он, как известно, был большой любитель и мастер рассказывать политические анекдоты. Пишущий настоящие строки слышал этот анекдот от Плеханова в Женеве, в декабре 1902 г.).

Народник Мысовой был предан суду за оскорбление начальника тюрьмы. На суде в своем свидетельском показании этот тюремный смотритель показал: „Когда я вошел в камеру, обвиняемый довольно резко заметил: „Пошел вон, мерзавец!“

„Так и эсеры,—добавлял Плеханов,—обижаются не на существо нашей критики, а лишь на „резкость“ ее тона.

Начиная с конца 90-х годов, Плеханов выступает против нового врага революционного марксизма, на этот раз врага не только русского, но и международного. Этот враг—оппортунизм, принявший, после известной книги Бернштейна, название „ревизионизма“, т. е. стремления „пересмотреть“ учение Маркса с целью вытравить из него такие „устарелые“, „бланкистские“ взгляды, как социальный переворот, диктатура пролетариата и т. п.

Плеханов начал борьбу прежде всего с оппортунизмом в рядах русской социал-демократии, в лице „союза русских с.-д. за границей“, образованного из молодых эмигрантов, где тогда видную роль играл недавно умерший Акимов—Махновец, и также будущие члены „союза освобождения“, „беззаглавцы“ и „демократы“ Кускова и Прокопович. Все они отрицательно относились к необходимости звать рабочих на политическую борьбу, а Кускова была даже автором документа, получившего известность под названием „Credo“ („Символ веры“), который успел уже вызвать протест 17 ссыльных с.-д. с Лениным во главе. В борьбе с оппортунизмом „молодых“ с.-д. Плеха-

нов был почти одинок и испытывал большие моральные страдания, при виде того, как все приезжающие из России с.-д. заражены „экономизмом“, т. е. сведением всей с.-д. деятельности к стачечной борьбе, кассам взаимопомощи и т. п. Памятником этой борьбы Плеханова с русским оппортунизмом является составленное им „Vademecum“ для читателей „Рабочего Дела“ (сборник документов, в том числе и „протест 17“ против „Credo“).

В конце 1900-го г. приезжают за границу Ленин, Мартов и Потресов, вместе с Плехановым, Аксельродом и Засулич начинают издавать „Искру“ и „Зарю“ и Плеханов оживает. Всю борьбу с русским „экономизмом“ берет на себя Ленин, а Плеханов посвящает себя, главным образом, теоретической борьбе с Бернштейнианством и оппортунизмом вообще. В 1901 г. печатаются в „Заре“ его замечательные статьи „Критика наших критиков“, изданные потом отдельной книгой ¹⁾. Эти статьи направлены против Струве, который тогда еще считал себя социалистом, и против самого Бернштейна, и представляют огромную теоретическую ценность, являясь, на ряду с книгой Каутского (тогда тоже революционного марксиста) „Антибернштейн“, лучшим марксистским сочинением против оппортунизма.

Плеханов (так же, как впоследствии Ленин) доказывает здесь, что все попытки заменить революционный марксизм, с его непримиримой классовой борьбой и диктатурой пролетариата, — реформизмом означают не что иное, как штопанье капиталистического строя, которое есть по существу не борьба с капитализмом, а его защита. „Таким образом, — говорит Плеханов, наш „неомарксизм“ является самым надежным оружием русской буржуазии в борьбе за ее господство в нашей стране... Мы нисколько не удивимся, если тот или другой из наших критиков дойдет в этом смысле до степеней весьма „известных“ и станет, например, во главе наших либералов“ (курсив Плеханова). Как известно, по отношению к самому Струве это пророчество оправдалось уже на следующий год, когда он основал либеральный журнал „Освобождение“ и заложил основы будущей кадетской партии.

Считая, таким образом, оппортунизм, т. е. притупление классовой борьбы, отрицание диктатуры пролетариата и т. п., согласно позднему выражению Ленина, „проводником буржуазного влияния на пролетариат“ ²⁾, Плеханов, конечно, понимал, что в момент рево-

¹⁾ На днях они выходят новым изданием, под заглавием „В защиту революционного марксизма“, в издании Моск. отд. Госуд. Изд.

²⁾ В статье против Бернштейна Плеханов писал: „он стал заменять классовое сознание рабочих, выступив с проповедью марксизма, „пересмотренного“ им со специальной целью успокоения буржуазии“. И „значительная часть образованной буржуазии хорошо повяла, до какой степени выгодно для нее“ такое распространение ревизионизма.

люции борьба между революционным марксизмом и оппортунизмом перестанет быть только идейной, теоретической. Вот что он писал уже во 2-м номере „Искры“ в феврале 1901 г., в статье „На пороге XX века“:

„Двадцатый век осуществит лучшие, радикальнейшие стремления XIX-го века. Но как ни твердо уверены мы в победе пролетариата, как ни ясно видим мы стоящую перед нами великую цель, мы не хотим обманывать ни самих себя, ни наших читателей. Мы вовсе не думаем, что нас ждет легкая победа. Наоборот, мы хорошо знаем, как тяжел путь, лежащий перед нами. Нас ожидает на нем много частых поражений и тяжелых разочарований. Не мало в течение этого пути разойдется между собой людей, казалось бы, тесно связанных единством одинаковых стремлений. Уже теперь в великом социалистическом движении обнаруживаются два различных направления, и, может быть, революционная борьба XX-го века приведет к тому, что можно будет, *mutatis mutandis*, назвать разрывом социал-демократической „Горы“ с социал-демократической „Жирондой“.

Очевидно, логика вещей заставит при этом действовать социал-демократическую „Гору“, или якобинцев на подобие якобинцев классических. Что Плеханов сочувствовал якобинским методам в революции, видно уже по его статье в „Социал-демократе“ 1889 г., посвященной столетию Великой французской революции. В „Критике наших критиков“, в статье против Бернштейна мы читаем: „Всякий, неослепленный предрассудками человек должен... признать, что демократическая конституция совсем не обеспечивает от такого обострения классовой борьбы, которое может сделать неизбежными такие потрясения и перевороты“. А из его знаменитой речи на 2-м съезде партии видно, как мало почтения питал Плеханов к формальному демократизму. „Если бы ради успеха революции потребовалось временно ограничить действие того или другого демократического принципа, то перед таким ограничением преступно было бы останавливаться. Как личное свое мнение, я скажу, что даже на принцип всеобщего избирательного права надо смотреть с точки зрения указанного мною основного принципа демократии ¹⁾. Гипотетически мыслим случай, когда мы, социал-демократы, высказались бы против всеобщего избирательного права... И на эту же точку зрения мы должны были стать и в вопросе о продолжительности парламентов. Если бы в порыве революционного энтузиазма народ выбрал очень хороший парламент—своего рода *chambre introuvable*,—то нам следовало бы стараться сделать его долгим парламентом; а если бы выборы оказались не-

1) Т. е., что „успех революции—высший закон“.

улучными, то нам нужно было бы стараться разогнать его не через два года, а если можно, то через две недели“.

Таким образом, можно предположить, что, если бы ирония истории в начале мировой войны не поместила самого Плеханова в ряды социал-демократической Жирюиды, если бы он жил до сих пор, оставаясь верным своим взглядам начала 1900—х годов, то в практической борьбе с противниками революционного марксизма он стал бы на позицию III Интернационала.

Б. Горев.

* * * * *

Борьба Г. В. Плеханова с экономизмом.

Экономизм не специфическое российское явление. Не одна наша партия страдала этой болезнью детства. Почти все политические организации рабочего класса во всем мире в той или иной связи, в той или иной форме, в тот или иной промежуток времени переживали этот кризис, являющийся неизбежным спутником политического движения рабочего класса.

Уже на первых ступенях развития перед политическими организациями пролетариата становится целый ряд труднейших вопросов, от правильного решения которых зависит судьба этих организаций. Вопрос об авангарде и его отношении к массе,—который часто в конкретной обстановке делается вопросом об отношении партии к массе; об отношении планомерного к стихийному; вопрос об отношении экономики к политике в рабочем движении, который ставится и решается в тесной связи с предыдущими, вот те вопросы, которые неизбежно встают перед партиями пролетариата на первых порах.

Наша партия очень скоро заразилась этой болезнью—перед ней очень рано встали эти злободневные вопросы, как актуальные. Уже к концу 90-х годов обнаружилось, что „практики“ иначе представляют себе задачи рабочей партии, чем теоретики. Одним из существенных спорных вопросов был вопрос о форме, в которую должно вылиться политическое движение рабочего класса. Должна ли быть эта партия централизованная, крепко спаянная боевая организация, или она станет более или менее „широкой“ партией. Очень скоро однако, так наз. „теоретикам“, т. е. „Группе освобождения Труда“, удалось сделать общепризнанным то положение, что нашему движению необходима организация такого типа, который существовал в России во второй половине семидесятых и в начале восьмидесятых годов (организации общества „Земля и Воля“ и „Партия Народной Воли“) и который оказал тогдашним русским революционерам такие огромные нео-